

Книжное обозрение

Book Reviews

DOI: 10.31857/S020596060018981-1

ФАНДО Р. А. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. М.: ЯНУС-К, 2020. 352 с. ISBN 978-5-8037-0802-5

*СОЗИНОВ Иван Владимирович — Государственный центральный музей современной истории России; Россия, 113035, Москва, ул. Садовническая, д. 30, стр. 1;
E-mail: ivan-sozinov@mail.ru*

В настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной историографии наблюдается интерес к различным аспектам истории становления советской науки: исследователями рассматриваются проблемы самоорганизации науки, формирования научных школ и ученых сообществ, создание новых научных организаций и реформирование старых учреждений, биографии знаковых ученых и несправедливо забытых исследователей. Особое место среди этих работ занимают публикации, посвященные биологическим наукам, которые в XX в. переживали небывалый до этого подъем. Интересно, что именно с биологией были связаны самые драматичные эпизоды в истории нашей науки, когда на алтарь «победы» квазинауки были положены не только судьбы отдельных ученых, но и будущее страны, а изучение влияния среды на механизмы наследственности и изменчивости с привлечением догматов диалектического материализма, теория

«живого вещества» О. Б. Лепешинской, серьезно затормозило развитие биологических исследований в СССР.

Среди публикаций последних лет особо хочется выделить монографию Р. А. Фандо «Исторические этапы и основные направления российской генетики человека первой половины XX века», вышедшую в 2020 г. в издательстве «Янус-К». В ней предприняты попытки резюмировать многочисленные российские и зарубежные исследования по истории генетики и реконструировать основные исторические этапы в развитии отечественной генетики человека.

Отправной хронологической точкой для формирования теоретической базы генетики, по мнению автора, является 1900 г., когда были переоткрыты законы Г. Менделя, при этом также дается подробный обзор предыстории этого события, т. е. фокус внимания направлен на изучение вопросов передачи признаков еще до появления представлений

о материальных основах наследственности. Этот достаточно продолжительный период автор монографии называет догенетической эпохой.

В монографии рассматриваются методологические вопросы изучения генетики, дается обзор антропологических исследований в Российской империи, реконструируются процессы формирования медико-генетических исследований в 1930-е гг., а также анализируется развитие советской евгеники — науки об «улучшении» человеческих качеств. Особое внимание уделяется когнитивным и социокультурным аспектам развития генетики человека, так как они традиционно рассматриваются отдельно друг от друга.

Следует отметить, что тема развития отечественной генетики не нова для автора, ей посвящен целый ряд его статей в научных журналах и сборниках. Поэтому преимуществом настоящей монографии является, во-первых, ее резюмирующий многолетние исследования характер, во-вторых, в ней впервые анализируются процессы институционализации генетики человека в нашей стране, в-третьих, вводится в научный оборот значительное количество источников из целого ряда российских и зарубежных архивов и библиотек.

Монография состоит из предисловия, шести глав и заключения, в которых реконструируются этапы зарождения и формирования отечественной генетики человека. В предисловии кратко характеризуется степень разработанности темы, ее цели и задачи, научная новизна, актуальность и источниковая база. Здесь автор обозначает один из ключевых своих тезисов о начале

советской генетики в 1920-е гг. в рамках реализации научного направления евгеники.

В первой главе дается анализ историографической традиции изучения отечественной генетики человека, подробно рассматривается источниковая база исследования и обосновываются методологические принципы работы. При рассмотрении вопросов историографии автором справедливо делается вывод о том, что «преобладание исследований по истории генетики человека в направлении социальной истории науки стало причиной недостаточного освещения когнитивной истории научной дисциплины [...] оказалась “за бортом” борьба научных идей, которая определяла внутреннюю логику эволюции мировой генетики человека» (с. 35). В качестве источниковой базы привлекается делопроизводственная документация органов государственного управления страной, планы научно-исследовательской работы организаций и отдельных ученых, отчеты о деятельности научных учреждений. Последние автор называет «самыми информативными для изучения истории институционализации отечественной генетики» (с. 42). В монографии проведен серьезный анализ материалов периодической печати, особенно издаваемых научными учреждениями, отмечается, что иногда статьи в этих журналах выступают единственными источниками для реконструкции научных направлений. Следует также указать на значительное количество персональных фондов, которые используются автором. Среди них фонды А. С. Серебровского, Н. К. Кольцова, Н. В. Тимофеева-Ресовского, С. М. Гершензона и др.

Во второй главе анализируются предпосылки возникновения генетики человека начиная с конца XVIII в., например, автор обращает внимание на создание клеточной теории и работы Рудольфа Вирхова (1821–1902), где содержится его главный тезис *omnis cellula e cellula* (всякая клетка происходит от клетки), который является одним из главных в клеточной теории. К сожалению, автор не упоминает в этом ключе о деятельности О. Б. Лепешинской (1871–1963), которая являлась идеологом лженаучной теории «живого вещества» (происхождении клетки из бесструктурного «живого вещества»), признаваемой в СССР в 1950-е гг., и благодаря которой выражение «вирховианец» стало на несколько лет ругательством по отношению к ученым, которые не поддержали идею «живого вещества».

Значительное место в этой главе уделяется врачам Г. А. Захарьину (1829–1897), С. П. Боткину (1832–1889) и А. А. Остроумову (1844–1908), которые задолго до работ классических генетиков сделали предположения о возможной наследуемости некоторых заболеваний. Автором делается вывод о том, что «первые идеи о наследственной природе заболеваний [...] подготовили благодатную почву для создания научного фундамента генетики человека» (с. 67). Здесь же автор описывает и конфликтную ситуацию, сложившуюся в начале XX в. между генетиками и сторонниками эволюционной теории, в частности неприятие К. А. Тимирязевым сторонников Г. Менделя (к самому Менделю отношение Тимирязева было положительное), что «притормозило взаимопроникновение биологических и медицинских

воззрений на проблему наследственности» (с. 85).

Третья глава посвящена роли евгеники в истории советской науки. Здесь анализируются деятельность Русского евгенического общества (1920–1929), научные разработки советских ученых-евгеников и их трагические судьбы. Особенностью этого периода автор называет увлечение евгеникой специалистов-биологов, многие из которых позднее будут заниматься вопросами генетики человека (с. 91). Безусловный интерес представляют описание деятельности Ю. А. Филипченко (1882–1930), который одним из первых в России стал заниматься изучением наследования таланта и анкетированием ученых Петрограда в начале 1920-х гг.; П. Д. Ярошенко (1906–1978), изучавшего влияние гормонов на гениальность; А. С. Серебровского (1892–1948), занимавшегося антропогенетикой и мечтавшего написать «генетическую формулу» разных народов.

Многие позиции, особенно связанные с изучением расовых особенностей, позднее будут подвергнуты критике как буржуазные и фашистские, а само евгеническое общество будет ликвидировано. При этом автор монографии отмечает, что в «отечественной евгенике не было проведено ни одного мероприятия по стерилизации или уничтожению наследственно дефективных, не были также реализованы предлагавшиеся проекты организации союза “За лучшего ребенка” и общества “Дадим здорового ребенка”». Русское евгеническое движение, в отличие от своих зарубежных аналогов, основной упор делало на научную разработку вопросов генетики человека

и популяризацию евгенических знаний» (с. 152–153).

Основные направления изучения наследственности человека в СССР в 1930-е гг. раскрываются в четвертой главе монографии. Здесь анализируется деятельность научных школ С. Н. Давиденкова (1880–1961), Т. И. Юдина (1879–1949) и С. Г. Левита (1894–1938), а также основные концепции в медицинской генетике и интегративные процессы, происходившие между генетикой и психологией. Одной из сильных сторон рецензируемой монографии является освещение различных составляющих медико-генетических научных школ, в том числе их кадров, этапов формирования, особенностей научных программ, результативности научно-исследовательской работы. Показано также, что роль неформальных научных коллективов как интеллектуальных и научно-организационных центров особенно возросла, когда стало внедряться планирование научной деятельности и произошла переориентация науки на получение практических результатов. Объединение вокруг научной школы различных специалистов позволяло решать различные междисциплинарные проблемы в области наследственной патологии.

Автор отмечает, что именно в этот период генетика позволяла обогатить смежные дисциплины точными методами генетического анализа и одновременно указывает, что «применение законов Менделя в медицине затруднялось тем, что нельзя было экспериментально проверить ту или иную концепцию» (с. 215). В этой главе также упоминаются работы Н. И. Вавилова, который, посетив в 1920-е гг. Афганистан,

провел ряд ценных исследований и обратил внимание на антропологические особенности местного населения — нуристанцев.

Описывая интеграцию генетики и психологии, особое внимание автор уделит работам А. Р. Лурии (1902–1977), который в 1930-е гг. совершил две экспедиции в азиатские республики СССР, изучая влияние наследственных и внешних факторов на формирование психических процессов. В этом параграфе не хватило хотя бы обозначения одного из важнейших для истории советской науки документов 1930-х гг. — постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (4 июля 1936 г.), в котором указывалось, что практика педологов сводилась к «ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т. п., давно осужденных партией». При этом анкетированием и тестами занимались и генетики, и евгеники, и психологи.

В пятой главе монографии описываются деструктивные процессы в истории отечественной генетики, среди которых отмечаются травля директора Института экспериментальной биологии Н. К. Кольцова, приведшая к его смерти от инфаркта, и срыв ряда важнейших научных мероприятий мирового уровня, в частности VII Международного конгресса по генетике, который планировали провести в СССР в августе 1937 г.

Отдельный параграф посвящен августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., которая до сих пор является одной из самых позорных страниц в истории нашей страны. Автор

отмечает, что «были ликвидированы исследования по наиболее передовым и наиболее перспективным направлениям биологии. Результатом этих деструктивных процессов стала утрата лидирующего положения советской науки...» (с. 264).

В последней шестой главе рассматриваются когнитивные и социокультурные аспекты развития генетики человека, здесь автор на основе ретроспективного анализа выделил четыре основных этапа периодизации истории генетики человека в начале XX в.: этап зарождения (1900–1920), евгенический этап (1920–1929), трансформация евгеники в самостоятельные исследовательские направления (1930–1936), деструктивный этап (1937–1948). Хочется отметить, что установление верхней границы 1948 годом является дискуссионным. На наш взгляд, ее можно сдвинуть хотя бы на 1955 г., когда группой советских ученых было написано знаменитое «Письмо трехсот» в ЦК КПСС, в котором содержалась критика Т. Д. Лысенко.

В заключении автор отмечает, что отечественная генетика в первой половине XX столетия продемонстрировала уверенное развитие по основным наукометрическим критериям: росту числа публикаций, увеличению количества исследователей и эффективным связям между ними (с. 296).

Содержание монографии должно быть интересно широкому кругу читателей, ведь вопросами наследственности человека, как свидетельствуют исторические источники, интересовались не только биологи и медики, но и представители гуманитарных специальностей: историки, этнографы, философы, психологи, педагоги. Самые тесные связи, как отмечает автор, генетика установила с медициной, а наиболее популярными темами для исследователей рассматриваемого периода были рождаемость, врожденные дефекты, увеличение числа негативных свойств в человеческом обществе, т. е. имеющие прямое отношение к медицине.

Таким образом, монография Фандо существенно дополняет предыдущие работы по данной проблематике, обобщает основные вопросы изучения генетики человека в нашей стране и может стать основой для дальнейшего изучения истории отечественной науки в целом и генетики в частности. Перспективным было бы изучить пути трансформации отечественной генетики человека уже во второй половине XX в., причем в той же предлагаемой автором парадигме — в тесной связи процессов развития и институционализации науки с когнитивными и социокультурными факторами.